Протоіерей **А. Синайскій.**

ВЪ ЗАЩИТУ

ПРЕПОДОБНАГО

МАКСИМА ГРЕКА.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Мисс. Обозр.», № 6, 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Колоколъ», В. М. Скворцова. Невскій пр., 147.
1907.

643
37

Въ защиту преп. Максима Грека. [1])

(По поводу соч Е. Голубинскаго: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“.—Москва, 1905 г. Изд второе, исправленное и дополненное).

Сочиненія проф. Е Голубинскаго, какъ по исторіи русской церкви, такъ и немногія по рускому расколу, отличаются, между прочимъ, оригинальностью въ изслѣдованіи предмета и выводовъ и своеобразностію. Эта своеобразность у него часто такова, что съ его сужденіями и заключеніями никакъ нельзя согласиться, не смотря на его необыкновенную эрудицію и усилія, по-

[1]) Въ № 49 „Церк. Вѣд.“ за прошлый 1906-й годъ напечатана библіографическая замѣтка г Верюжскаго о книгѣ г Е Е. Голубинскаго: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. (Изд. 2-е, М. 1905 г.); кратко излагая содержаніе названнаго сочиненія, рецензентъ касается и научнаго значенія книги, состоящаго въ новой постановкѣ и разработкѣ, принципіальной и детальной, вопросовъ, составляющихъ отъ лѣтъ древнихъ предметъ разногласія, споровъ и полемики между православною церковью и послѣдователями русскаго раскола—старообрядства. Имя автора книги и серьезность замѣтки библіографа побудили насъ познакомиться съ содержаніемъ и пріемами изслѣдованія г. Голубинскаго въ новой сферѣ послѣднихъ по времени его ученыхъ изысканій, для которыхъ (вопросовъ старообрядчества) многолѣтніе труды по древне-русской церковной исторіи могутъ служить благопріятными условіями. Изъ разсмотрѣнныхъ въ книгѣ г. Голубинскаго вопросовъ мы обратимъ вниманіе на тѣсно связанные между собою два вопроса о перстосложеніи и аллилуія со стороны (предполагаемаго) отношенія къ нимъ преп Максима Грека по взгляду православныхъ и старообрядческихъ полемистовъ. Въ вопросѣ о двуперстіи и сугубомъ аллилуія послѣдователи раскола находятъ въ авторѣ сочиненія своего защитника, какъ приписывающаго путемъ своеобразныхъ, но не пріемлемыхъ доказательствъ, преп. отцу взглядъ о древности и правильности двуперстія и сугубаго аллилуія, вопреки установившемуся и вѣрному у православныхъ полемистовъ взгляду на преп Максима Грека, совершенно противоположному. Разбору своеобразнаго взгляда г. Голубинскаго на преп. Максима Грека и посвящена настоящая статья.

средствомъ частыхъ повтореній и тождесловій, расположить читателя въ свою пользу. Относясь отрицательно до придирчивости къ чужимъ мнѣніямъ и существующимъ взглядамъ и увлекаясь критикою ихъ, г. Голубинскій часто оставляетъ свои новые взгляды и сужденія безъ надлежащаго обслѣдованія и такимъ образомъ ставитъ своихъ читателей въ недоумѣніе въ вопросахъ весьма важныхъ, теоретическаго свойства и практическаго (полемическаго въ данномъ случаѣ). Если сводить на практическую почву своеобразныя, односторонніе мнѣнія нашего ученаго по вопросу о постановкѣ полемики православныхъ миссіонеровъ съ представителями раскола старообрядства, то долгъ справедливости и безпристрастія побуждаетъ отмѣтить то, что, вмѣсто облегченія полемистъ встрѣчаетъ новыя затрудненія, принѣняя послѣднія новѣйшія изслѣдованія и совѣты г. Голубинскаго въ спорныхъ вопросахъ между православіемъ и расколомъ.

Не касаясь многихъ вопросовъ по исторіи русскаго раскола старообрядства, входящихъ въ содержаніе и разсмотрѣніе интересной книги проф. Голубинскаго, мы на первый разъ остановимъ вниманіе на рѣзкомъ и ошибочномъ отзывѣ автора о знаменитомъ духовномъ писателѣ, богословѣ и полемистѣ по вѣроисповѣднымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ, XVI в., препод. Максимъ Грекъ (1518—1556 г.), которому онъ, согласно съ расколоучителями, но вопреки полемистамъ православнымъ и исторической правдѣ, приписываетъ мнѣніе о двуперстіи, какъ будто бы господствовавшей тогда среди русскихъ формѣ крестнаго знаменія предъ троеперстіемъ въ противорѣчіе обычаю греческой церкви, гдѣ было дѣло наоборотъ, т. е. троеперстіе преобладало надъ двуперстіемъ и вытѣснило послѣднее, какъ форму менѣе совершенную въ символическомъ отношеніи; ему же тотъ же авторъ приписываетъ мнѣніе о сугубой аллилуія, какъ болѣе вѣрной и употребительной формѣ славословія при богослуженіи, чѣмъ трегубой.

Интересуясь и занимаясь вопросами по расколу старообрядства съ принципіальной и практической стороны (при бесѣдахъ съ старообрядцами въ С.-Петербургѣ), нахожу умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и возраженій противъ отзыва проф. Голубинскаго о преп. Максимѣ Грекѣ въ спорномъ вопросѣ, какъ отзывѣ поспѣшномъ, неосновательномъ и ошибочномъ, соединенномъ при томъ съ самоувѣренностью и сожалѣніемъ къ мнимой слабости идеальнаго отца, оставшагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ до конца, безъ „пятна“ и противорѣчія.

I.

Извѣстно, что защитники раскола, какъ полемисты-писатели, такъ и простые послѣдователи его, начиная съ первыхъ расколоучителей и представителей его съ Андреемъ Денисовымъ во главѣ до настоящихъ сторонниковъ во главѣ со Швецовымъ и Мельниковымъ, придавали чрезвычайно важное значеніе вопросу о двуперстіи, считая его не символомъ только, а догматомъ, не подлежащимъ ни измѣненіямъ въ триперстіе, ни превращеніемъ въ какую либо другую форму изображенія. Употребленіе двуперстія старообрядцы считали настолько же древнимъ, истиннымъ, непререкаемымъ и спасительнымъ обычаемъ, насколько отмѣненіе двуперстія и замѣну его триперстіемъ признавали обычаемъ нововводнымъ, ошибочнымъ и еретическимъ, ведущимъ къ неблагочестію и гибели. Помимо теоретическихъ соображеній (невысокаго качества) въ пользу правильности и древности двуперстнаго перстосложенія, расколоучители ссылаются, между прочимъ, на свидѣтельства нѣкоторыхъ церковныхъ писателей общехристіанскихъ и русскихъ,—на свидѣтельства неясныя и сомнительныя, какъ-то: на „Слово“ блаж. Ѳеодорита, св. Мелетія, и преп. Максима Грека,—свидѣтельства, неосновательность которыхъ уже доказана православными противораскольничьими полемистами, начиная съ автора „Жезла правленія“, Симеона Полоцкаго (1667 г.), „Духовной Пращицы“,—еп. Питирима (11719 г.), „Обличенія раскольнической неправды“—архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго (1743 г.) и др. новѣйшихъ.

Прежде всего очень жаль, что проф. Голубинскій не привелъ въ подлинномъ и полномъ видѣ слова преп. Максима Грека, какъ памятника весьма важнаго и спорнаго, которому онъ придаетъ большое значеніе со стороны православныхъ и старообрядческихъ писателей въ вопросѣ о двуперстіи и сугубой аллилуіа. Мы не знаемъ того, одинъ ли это памятникъ, свидѣтельствующій о двухъ спорныхъ предметахъ, или два отдѣльныхъ памятника, трактующіе каждый объ особомъ предметѣ—одинъ о крестномъ знаменіи, а другой объ аллилуіа; неизвѣстно и то, трактатъ ли это въ видѣ словъ и разсужденій подобно другимъ разсужденіямъ преп Максима Грека о различныхъ предметахъ, или отрывки въ родѣ краткихъ положеній, изреченій и голословныхъ наставленій. Г. Голубинскому должно быть извѣстно, что два „Слова“ (или „Слово“) преп. Максима Грека, на которыя онъ ссылается, въ печати до сихъ поръ не

извѣстны; они извѣстны немногимъ счастливымъ спеціалистамъ въ рукописи, въ рукописныхъ сборникахъ, большинству недоступныхъ. Въ полное собраніе сочиненій преп. Максима Грека, при изданіи ихъ казанскою духовною академіею, въ 1860 г., эти два „Слова", приписываемыя преп. отцу нѣкоторыми учеными, не вошли, какъ не принадлежащія преп. Максиму Греку, о чемъ редакція казанской академіи сочла нужнымъ заявить въ особомъ примѣчаніи Правда, старообрядческіе писатели приводятъ оба свидѣтельства преп. Максима Грека въ своихъ сочиненіяхъ, но въ отрывочномъ краткомъ видѣ, въ такомъ неопредѣленномъ видѣ, въ какомъ приводитъ и г. Голубинскій,—а это большой недостатокъ въ спеціальномъ изслѣдованіи. Въ вѣрности и приложимости свидѣтельства по данному вопросу можно убѣдиться только послѣ прочтенія и изученія всего памятника въ цѣльномъ видѣ, всѣхъ его частей, общихъ мыслей и частныхъ,—словомъ всего содержанія, но главное послѣ сравненія его съ другими мнѣніями и всѣми сочиненіями автора, дабы не было принципіальнаго противорѣчія между общими взглядами и отдѣльными сужденіями автора по данному частному вопросу. Правда, мы должны имѣть довѣріе къ автору, его ученой опытности и добросовѣстности, но мы должны, съ другой стороны, во имя правды и убѣжденности, провѣрять заключенія автора, не застрахованнаго отъ увлеченія и ошибокъ. Отчего бы, повторяемъ, проф. Е. Е. Голубинскому не издать было, въ качествѣ приложеній къ своему сочиненію, интересныхъ, но неизвѣстныхъ въ печати, двухъ памятниковъ, которые онъ такъ самоувѣренно приписываетъ, вопреки установившемуся въ противураскольнической литературѣ взгляду, преп. Максиму Греку? Тѣмъ болѣе странно то, что г. профессоръ, спеціально взявшись за разработку и новую постановку вопроса о двуперстіи въ цѣляхъ обличенія и упорядоченія современной противураскольнической полемики, не далъ въ руки православнымъ (и старообрядческимъ) полемистамъ необходимаго оружія—памятника, дабы они отнеслись къ нему самостоятельно, а не по дѣтски, какъ ученики. Живя вблизи московской духовной академіи, въ библіотекѣ которой находится означенный сборникъ рукописныхъ твореній преп. Максима Грека, г. Голубинскій могъ бы извлечь два слова его, по всей вѣроятности краткія, для помѣщенія въ своей книгѣ и тѣмъ бы оказалъ услугу дѣлу. Но, если онъ почему-либо не считалъ необходимымъ издавать означенныхъ памятниковъ, то мы вправѣ были ожидать отъ автора критиче-

скаго разбора ихъ съ внѣшней и внутренней стороны, описанія ихъ археологическаго, литературнаго и библіографическаго, однако, къ удивленію нашему, этого необходимаго разбора почему-то не сдѣлано; онъ ограничился замѣчаніемъ, что въ подлинной принадлежности словъ Максиму не можетъ (?) быть никакого сомнѣнія (стр. 172).

Этого мало. Г. Голубинскій не коснулся и даже не упомянулъ ни единымъ словомъ о тѣмъ православныхъ полемистахъ XVII—XVIII вв., которые подвергали сомнѣнію и разбору спорныя свидѣтельства преп. Максима Грека въ отвѣтъ и противовѣсъ писательства въ свою пользу. Что это значитъ? Какой-то новый ученый пріемъ въ литературѣ вопроса,—не то игнорированіе, не то забвеніе, не то невѣдѣніе. Но если г. профессоръ обращается по вопросу о перстосложеніи къ сочиненіямъ иностранныхъ ученыхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу, то просто непонятно, отчего онъ уклоняется отъ разбора взглядовъ своихъ отечественныхъ писателей, подвергавшихъ разбору ссылку расколоучителей на преп. Максима Грека въ вопросѣ о двуперстіи... Вотъ эти писатели въ хронологическомъ порядкѣ.

По словамъ г. Голубинскаго, подлинный текстъ рѣчи преп. Максима Грека о двуперстіи слѣдующій: „совокупленіемъ тріехъ перстей: сирѣчь: пальца и еже отъ средняго и малаго исповѣдуемъ (?), протяженіемъ долгаго и середняго исповѣдуемъ“. Чувствуя нескладность рѣчи и неопредѣленность ея, не свойственныя преп. Максиму Греку, выражавшемуся всегда полною періодическою рѣчью, а не двусмысленно и отрывочно, г. Голубинскій спѣшитъ поправить дѣло, говоря: „въ сущности ничего (?) нескладнаго тутъ нѣтъ: Максимъ употребляетъ выраженіе „средній“ не о взаимномъ положеніи перстовъ, а объ ихъ относительной величинѣ и разумѣетъ подъ среднимъ въ первомъ случаѣ малый средній, во второмъ—указательный, а подъ долгимъ—большой средній.

Читая текстъ рѣчи по изложенію проф. Голубинскаго, невольно и естественно спросишь: зачѣмъ нужно было сокращать рѣчь преп. Максима и безъ того краткую,—неумѣстно краткую въ вопросѣ въ то время весьма важномъ? Тѣмъ болѣе, что, по словамъ автора, преп. Максимъ Грекъ отвѣчалъ на предложенный ему кѣмъ-то вопросъ о формѣ перстостосложенія. Сама по себѣ форма выраженія о двуперстіи, противорѣчащая ученому слогу преп. отца, тогда уже (1532 г.) довольно обработанному и ясному, возбуждаетъ подозрѣніе, оправдывающееся другими соображеніями.

Авторъ „Жезла Правленія“, извѣстный писатель и дѣятель XVII в. въ Москвѣ, первый усомнился въ подлинности свидѣтельства преп. Максима Грека о двуперстіи, представленнаго со стороны расколоучителей противъ введеннаго п. Никономъ триперстнаго сложенія для крестнаго знаменія. На 21 вопросъ (обличеніе) Никиты: христіанамъ крестнаго знаменія треми перстами совокупляти не противно-ли преданіямъ св. отецъ—авторъ „Жезла“ даетъ обширный и обстоятельный отвѣтъ, доказывая съ символической и церковно-исторической точки зрѣнія превосходство триперстія предъ двуперстіемъ и опровергая разсужденія, ссылки и свидѣтельства расколоучителей въ пользу превосходства двуперстія. Что касается до свидѣтельства преп. Максима Грека, то авторъ рѣшительно заявляетъ: Максима Грека великоученаго человѣка пріемлемъ, когда онъ въ своихъ сочиненіяхъ согласенъ съ церковью; а въ двуперстномъ образованіи непщуемъ его (считаемъ) снисходивши людемъ ненаказаннымъ (т. е. простымъ) и навѣтовъ боявшася, или прилогъ чуждый быти; но и нѣсть доволенъ единъ во свидѣтельство противъ всея церкви древнѣйшему обычаю и преданію; аще бы утвердилъ онъ свое преданіе апостольскими или свв. отецъ свидѣтельствы. имѣлъ бы ны послушенны, но сего не сотворшу, ничто ны нудить повиноватися“ [1]).

Авторъ „Увѣта духовнаго“, повторяя содержаніе „Жезла Правленія“, въ вопросѣ о двуперстіи, не касается свидѣтельства преп. Максима Грека, какъ сомнительнаго и ранѣе опровергнутаго; но онъ рѣшительно и основательно оспариваетъ ссылку расколоучителей на свидѣтельства преп. отца о сугубомъ аллилуія, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Авторъ „Пращицы дух.“, еп. Питиримъ, знатокъ древней письменности и бывшій самъ послѣдователемъ раскола, довелъ сомнѣніе въ свидѣтельство преп. Максима Грека о двуперстіи до отрицанія. Чтобы видѣть, какое важное значеніе придавали расколоучители свидѣтельству преп Максима Грека, какъ и самому преподобному отцу, считаемъ умѣстнымъ привести вопросъ (71-й изъ всѣхъ вопросовъ 240), предложенный еп. Питириму послѣдователями діаконскаго согласія или толка въ Нижнемъ-Новгородѣ, около 1718—1720 г: „Кому подобаетъ лучше вѣрити, извѣстному ли святому и преподобному Чудотворцу и свидѣтельствованному отъ четверопрестольныхъ патріарховъ все-

[1]) «Жезлъ Правленія», листъ 62; возоблич. 21.

ленскихъ и нашихъ россійскихъ, яко премудрому богослову и философу и православной вѣры учителю Максиму Греку, учившему креститься двѣма персты, или какому-либо другому лицу (рѣчь идетъ о діаконѣ монахѣ П Дамаскинѣ, котораго раскольники то считаютъ своимъ противникомъ, то сторонникомъ въ данномъ вопросѣ), въ числѣ святыхъ отецъ не вчиненному и святостію не извѣстному и отъ свв. прежнихъ церковныхъ учителей не свидѣтельствованному, учившему креститься тремя персты?

На предложенный вопросъ еп. Питиримъ отвѣчалъ слѣдующее: «На преп. Максима лжете въ семъ вопросѣ; преп. Максимъ Грекъ сего не писалъ, еже креститься двѣма персты, но инъ нѣкто, хотя таковое новомодное ученіе утвердите, написалъ ложно подъ именемъ преподобнаго отца; но и въ ономъ ложномъ писаніи, кое подъ именемъ Максимовомъ написано, такового повелѣнія нѣтъ, чтобы двѣма персты креститься; но только написано—сначала первый перстъ и двѣма послѣдними, а два перста указательный да средній имѣти протяжены, а какъ крестится, тремя ли совокупленными, или двѣма протяженными, или всѣми пятью, о томъ сущаго повелѣнія нѣтъ, и не написано; какъ по всему таковому неопредѣленному вѣрить и внимать будемъ? И какъ то повелѣніе и почему вѣрно будетъ, яко Максимъ тако бы написалъ слагати персты? Но всячески убо не Максимъ. Если бы такъ написалъ Максимъ слагати персты, опредѣлилъ бы всячески, которыми и крестится, тремя ли совокупленными или двѣма протяженными, или всѣми пятью, а не оставилъ бы церкви святой такового повелѣнія всячески неопредѣленнаго. Такъ какъ преп. Максимъ былъ наукою богословъ, то всѣмъ ясно, что такое писаніе (т. е нескладное и неопредѣленное) ложно преп. Максима именемъ отитуловано; но инъ нѣкто такового сложенія любитель написалъ тайно по отшествіи св. Максима отъ сего свѣта; и посему ясно, что если бы преп. Максимъ такъ написалъ и такъ креститься двѣма персты училъ, то бы препод. Максима таковое писаніе и таковое ученіе на ономъ соборѣ, который былъ въ лѣто 7059 (т. е. въ 1551 г.), при Іоаннѣ Васильевичѣ и преп. м. Макаріи, того собора отцы утверждали креститься двумя перстами, тогда написали бы во свидѣтельство всѣмъ достовѣрное, потому что преп. Максимъ въ то время еще былъ живъ, но и того всего о немъ въ ономъ соборѣ ничего нѣтъ и не находится; и по всѣмъ вышеозначеннымъ винамъ (причинамъ) совершен-

но на преподобнаго солгано и вѣрить тому не надлежитъ весьма» [1]).

Нельзя не согласиться съ критическими замѣчаніями автора „Пращицы"; жаль только, что онъ не указалъ, откуда заимствовалъ онъ текстъ свидѣтельства преп. Максима Грека о двуперстіи, изъ „Слова" ли преп. отца или отрывочно изъ какого либо другого источника, изъ вторыхъ рукъ, какъ говорятъ; но важно то, что хотя текстъ свидѣтельства по „Пращицѣ" отличается отъ текста, изложеннаго проф. Голубинскимъ, болѣе свободною рѣчью въ передачѣ и сокращенною (въ сравненіи съ «нескладною» у Голубинскаго), однако совершенно основательно указаніе еп. Питирима на неопредѣленность и неясность рѣчи преп. Максима въ такомъ важномъ вопросѣ, каковъ вопросъ объ истинной формѣ крестнаго знаменія, за разъясненіемъ и рѣшеніемъ котораго нарочито обращались къ нему, какъ человѣку авторитетному, представителю греческаго православія и обычаевъ. Если признать «Слово» достовѣрнымъ, принадлежащимъ преп. Максиму Греку, то авторъ его долженъ былъ бы изложить свое мнѣніе точно, ясно и опредѣленно, а не вводить вопрошавшихъ современниковъ и послѣдующее поколѣніе своею неопредѣленностію и двусмысленностію въ недоумѣніе и заблужденіе. Рѣчь преп. отца должна бы быть въ этомъ случаѣ предписательная, а не повѣствовательная, какъ думаетъ ошибочно г. Голубинскій, желая и усиливаясь во что бы то ни стало навязать преп. Максиму мнѣніе о двуперстіи и отстоять свое предположеніе. Взятая сама по себѣ нескладная рѣчь преп. отца, строго говоря, есть не повѣствовательная и не предписательная, а неудачно составленная какимъ-то неважнымъ русскимъ грамотѣемъ,—рѣчь странная, не сообразующаяся съ установившимся строемъ письменной рѣчи преп. Максима Грека ни по формѣ, ни по содержанію. Если бы, далѣе, по предложенію г Голубинскаго, преп. Максимъ Грекъ считалъ, какъ двуперстіе, такъ и триперстіе одинаково правильными и на практикѣ (въ греческой и въ русской церкви) употребительными формами крестнаго знаменія, то спрашивается, почему же онъ въ данномъ случаѣ не высказалъ своихъ взглядовъ на интересовавшій русское общество вопросъ, когда представлялась къ тому потребность и даже запросъ со стороны его знакомыхъ и почитателей? А преп. Максимъ Грекъ отличался правдивостью и чуткостью къ потребностямъ времени!

---

[1]) „Духовная Пращица", лист. 143—144 СПБургъ 1826 г.

Подобно еп. Питириму, отрицаетъ достовѣрность и несостоятельность мнимаго свидѣтельства преп. Максима Грека въ пользу двуперстія и авторъ сочиненія «Обличеніе неправды раскольнической», архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, при разборѣ „Поморскихъ Отвѣтовъ“, гдѣ, въ 80-мъ вопросѣ, Андрей Денисовъ приводитъ пресловутое свидѣтельство преп. Максима Грека.

На основаніи внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ авторъ „Обличенія“ доказываетъ полную несостоятельность свидѣтельства о двуперстіи, разсматривая его со всѣхъ сторонъ и новыхъ точекъ зрѣнія по свойству своего своеобразнаго способа изслѣдованія, отличающаго въ немъ критическій талантъ и тонкій юморъ.

«Ищутъ нынѣ, говоритъ авторъ, раскольщики защищенія своего зловѣрія отъ того, котораго во времена жизни его [1]) раскольщиковъ нарицали и гоняли, какъ еретика и развратителя благочестія, какъ всѣмъ извѣстно. (Здѣсь, конечно, не анахронизмъ, а то лишь, что современники преп. Максима Грека уподобляются по своимъ взглядамъ, заблужденіямъ и отношеніямъ къ преп. отцу сторонникамъ раскола XVII—XVIII вв.). Сей, глаголютъ, о крестномъ знаменіи наставляетъ насъ: яко совокупленіемъ тріехъ перстъ тайну св Единосущныя Троицы и протяженіемъ двою-указательнаго и средняго, сшедшася два естества во Христѣ исповѣдати [2]). Есть слово въ книгѣ Максима (о двуперстіи), но его ли сочиненія, невѣроятно,—больше подозрительно; скорѣе оно составлено другимъ кѣмъ либо, любителемъ двуперстнаго раскольничьяго сложенія, и вложено въ сочиненіе преп. Максима. Подтверждается предположеніе это, между прочимъ, тѣмъ, что не во всѣхъ сборникахъ преп. отца помѣщается на одномъ и томъ же мѣстѣ, но на разныхъ: то въ главѣ 40, то въ 32, то въ 33; отсюда слѣдуетъ, что раскольники еще не согласились между собою, на какомъ мѣстѣ прилично быть ему... Причины подозрѣнія слѣдующія.

---

[1]) А жилъ онъ, по мнѣнію нашихъ раскольниковъ старообрядцевъ, во время „церковнаго благочестія“. Редакція.

[2]) Редакція еп. Ѳеофилакта нѣсколько отличается отъ редакціи текста у Денисова. Послѣдній выражается: „протяженіемъ долгаго и средняго сшедшася два естества во Христѣ, сирѣчь Самаго Спаса Христа исповѣдуемъ—совершенна Бога и совершенна Человѣка во двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго“ Это символика, а не рѣчь и указаніе на двуперстіе; странно, какъ могъ довольствоваться такимъ изложеніемъ А. Денисовъ, искусный софистъ и тенденціозный писатель. Поморск. отв. Рукоп. библ. Спб. д. акад. № А II (321, л. 55, вопр. 14).

Еп. Θеофилактъ считаетъ и по справедливости преп. Максима Грека такимъ писателемъ, который, подобно Θеодориту Кирскому, не могъ чего либо утверждать безъ достаточнаго основанія и доводовъ,—тѣмъ болѣе не могъ писать неопредѣленно, двумысленно, нескладно, давая отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ со стороны вопрошавшихъ, искавшихъ у него совѣта и руководства, какъ это видно изъ оглавленія того „Слова“, изъ котораго приводится самое свидѣтельство; такъ какъ преп. Максимъ Грекъ во всемъ былъ согласенъ съ греческою церковью, то не могъ и въ формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія отступать и другихъ отвращать отъ обычая своей церкви,—церкви, гдѣ тогда употреблялось триперстное, а не двуперстное сложеніе перстовъ; если бы преп. Максимъ ставилъ, подобно раскольникамъ, сложеніе перстовъ въ догматъ, то онъ объ этомъ упомянулъ бы, когда представлялъ свое исповѣданіе вѣры, оправдываясь противъ обвиненія въ еретичествѣ со стороны злобныхъ невѣждъ; далѣе, если преп. Максимъ Грекъ предостерегалъ христіанъ не принимать писаній, не засвидѣтельствованныхъ отъ св. отцевъ, то какъ онъ могъ предлагать ученіе о правильности перстосложенія безъ подтвержденія его свидѣтельствами отъ учителей церковныхъ? [1]).

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго, нужно признать задачу изслѣдованія г. Голубинскаго объ иной лучшей постановкѣ нашей полемики съ раскольниками въ вопросѣ о двуперстіи неудачною.

Неудачною нужно признать и попытку автора изслѣдованія по другому, сродному съ предшествовавшимъ, вопросу о сугубой аллилуіи.

Какъ двуперстіе, такъ и двоеніе церковной пѣсни или сугубой аллилуія есть одинъ изъ существенныхъ пунктовъ, составляющихъ заблужденіе старообрядцевъ со времени возникновенія раскола до настоящаго времени. Кромѣ Стоглаваго Собора (1551-го года), утвердившаго употребленіе сугубой аллилуія при богослуженіи вмѣсто трегубой, послѣдователи раскола ссылаются, между прочимъ, на свидѣтельство преп. Максима Грека, находящееся будто бы въ словѣ, при надлежащемъ преп. отцу. Но противъ этого свидѣтельства представлены православными полемистами сильныя возраженія, доходящія до отрицанія. Авторы «Жезла Правленія», „Увѣта“, „Пращицы“ и „Обличенія“ опровергали достовѣрность означеннаго свидѣтельства; съ особен-

[1]) Обличен. неправды раскольн., глав. 1, лист. 13—15.

ною основательностію и рѣшительностію отнесся къ нему еп. Феофилактъ, составившій на это цѣлый трактатъ. Такъ какъ г. Голубинскій, держась одинаковаго съ старообрядцами взгляда на свидѣтельство преп. Максима Грека о двоеніи аллилуія, не входитъ въ разборъ критики еп. Θеофилактомъ мнимаго свидѣтельства преп. Максима, то мы считаемъ нужнымъ привести въ краткомъ видѣ сущность мнѣнія автора „Обличенія“ объ означенномъ свидѣтельствѣ,

Сущность опроверженія еп Θеофилактомъ свидѣтельства по свойству своему сходна съ критикою его изложеннаго нами свидѣтельства того же якобы отца о двуперстномъ сложеніи.

Во 1-хъ, еп. Θеофилактъ отрицаетъ принадлежность преп. Максиму Греку слова, въ которомъ находится наставленіе о двоеніи, а не о троеніи аллилуія: по мнѣнію автора, это слово поддѣльное, составленное какимъ-либо суевѣрнымъ безумнымъ раскольникомъ и вложенное въ книгу преп. Максима. Содержаніе слова имѣетъ характеръ повѣствовательный, вымышленный, а не историческій, лишенный достовѣрности, вѣроятія и разсудительности.

По «Слову», двоить пѣснь аллилуія при богослуженіи съ прибавленіемъ „Слава Тебѣ, Боже“, первый ввелъ въ употребленіе св. Игнатій Богоносецъ на основаніи, будто бы, бывшаго ему видѣнія, во время котораго ангелы, раздѣленные на два лика, пѣли аллилуія по дважды. Такъ какъ источникъ этого сказанія неизвѣстенъ, а самъ сочинитель не могъ знать и видѣть св. Игнатія, жившаго въ первомъ вѣкѣ, то еп. Θеофилактъ повѣсть-басню считаетъ недостойною преп. Максима Грека, какъ писателя серьезнаго. Есть, по словамъ критика, нѣчто похожее въ житіи св. Игнатія, помѣщенномъ въ сочиненіяхъ церк. историка Сократа, но тамъ рѣчь касается не аллилуія, а пѣнія антифоннаго, т. е. пѣнія поперемѣннаго на два лика, или клироса, каковое пѣніе, какъ слышанное отъ ангеловъ, введено было св. Игнатіемъ въ антіохійской церкви и распространилось въ другихъ мѣстахъ

Далѣе, совершенно ложно утверждаетъ «Слово», будто бы троеніе аллилуія—латинская ересь. Преп. Максиму Греку, какъ долго жившему и учившемуся въ римскихъ странахъ, хорошо извѣстно, какъ употребляется тамъ при богослуженіи аллилуія: употребляется по однажды, дважды, трижды, четырежды, 5 разъ, 6, 9 и болѣе, но безъ прибавленія—„Слава Тебѣ, Боже“: а во время поста св. четыредесятницы совсѣмъ не употреб-

ляется. Сами латиняне въ IX в. заявляли, что научились пѣть аллилуія съ нѣкоторымъ измѣненіемъ не отъ папы, а отъ восточной церкви [1]).

Похуливъ трикратное аллилуія и похваливъ двукратное на основаніи сомнительной повѣсти, составитель подметнаго «Слова» дошелъ до явнаго противорѣчіи и нелѣпости, когда свою сказку о двоеніи аллилуія предпочелъ св. писанію, гдѣ упоминается о томъ, какъ небесные чины, въ видѣніи св. Іоанна Богослова, пѣли аллилуія, повторяя до 4-хъ разъ [2]).

Если такъ, то ангелы въ видѣніи св. Игнатія, по повѣсти, долженствовавшіе знать о пѣніи до 4-хъ разъ аллилуія по апокалипсису, противорѣчили ангеламъ апокалипсиса, предписывая двоеніе; кому же тогда вѣрить для соблюденія согласія и единства?.. Является, такимъ образомъ, недоумѣніе. Для разъясненія недоумѣнія „подметный Максимъ“, какъ называетъ его еп. Θеофилактъ, прибѣгаетъ къ трудно передаваемому искусственному пріему аккомодаціи, обличающему въ авторѣ мелкій и узкій казуистическій раскольническій умъ, а никакъ не свободный широкій богословствующій развитой разумъ (преп. Максима Грека),—умъ, запутавшійся въ противорѣчіи, но не стѣсняющійся вести длинную рѣчь о томъ, въ чемъ не можетъ дать отчета. Замѣтно. что большого стоило труда богословствованіе подметнаго Максима, направлявшагося не къ подтвержденію двоенія аллилуія, а скорѣе къ опроверженію троенія. Изложимъ въ краткомъ видѣ мысли „подметнаго Максима“.

4 аллилуія возглашали, по мнѣнію подметнаго Максима, не 4 лика, а три; первый голосъ съ неба и вторичный онъ соединилъ въ одинъ; по одному аллилуія провозглашали второй и третій ликъ, но всѣ три лика произнесли аллилуія по однажды, а не по дважды и не по трижды, потому что Единъ есть Богъ, Св. Троица и какъ единымъ поклоненіемъ поклоняемъ бываетъ, такъ и единою аллилуіею славословится

Тремъ чинамъ, воспѣвшимъ аллилуія по-единожды, соотвѣтвуютъ три чина на землѣ апостольской церкви: первый чинъ священниковъ и отъ лица ихъ должно воспѣваться первое аллилуія; второй чинъ—преп. иноковъ и отъ лица ихъ должно воспѣваться (или произноситься) второе аллилуія; третій же чинъ—православныхъ вѣрныхъ мірянъ и отъ ихъ лица должно припѣваться—Слава Тебѣ, Боже, что равносильно по смыслу

[1]) Облич., лист 95—96.

[2]) Апокалипс., гл. 19, 1—6.

аллилуія (во избѣжаніе третьяго аллилуія). Такимъ образомъ, соединивши по апокалипсису два аллилуія въ одно отъ перваго и второго лика, какъ бы одного лица, подметный Максимъ въ примѣненіи къ земной церкви оставилъ два аллилуія для употребленія при богослуженіи съ прибавленіемъ „слава Тебѣ Боже“, распредѣливъ по своеобразному соображенію произносить то и другое священникамъ, монахамъ и мірянамъ, каковой распорядокъ никогда не соблюдается и ни съ чѣмъ не вяжется; точно такъ же остается скрытымъ и непонятнымъ переходъ отъ небесной церкви къ земной.

Называя всѣ разсужденія подметнаго Максима буесловіями, еп. Θеофилактъ справедливо замѣчаетъ, что оный Максимъ не приспособилъ четыре апокалипсическія аллилуія ни къ двоекратной, ни троекратной аллилуія; мало этого: подметный Максимъ, вмѣсто утвержденія, потерялъ свое двукратное аллилуія, когда говорилъ, что каждый чинъ (ликъ) по апокалипсису припѣвалъ аллилуія единожды, а не по-дважды, и не по-трижды, а что касается до трехъ ликовъ, между которыми онъ распредѣлялъ употребленіе аллилуія для славословія Единаго Бога, то не только отъ чина, но и отъ трехъ и девяти чиновъ надлежитъ прославить единою аллилуія Его, какъ Единаго Бога для всѣхъ чиновъ.

По Θеофилакту, толкованіе подметнымъ Максимомъ апокалипсиса невѣрно и противно истинному значенію слова аллилуія и святоотеческому писанію. Аллилуія значитъ: хвалите Бога, а не слава Тебѣ Боже. По подметному Максиму, единою аллилуія славословится Едино божество, между тѣмъ св. Андрей Неокесарійскій († 712 г.) толкуетъ: трижды Богу возсылается аллилуія отъ человѣкъ и отъ ангеловъ ради единаго тріипостаснаго божества—Отца и Сына и Св. Духа. „Ты, о Максиме! обращается еп. Θеофилактъ, едино божество вспоминаешь, а о Троицѣ Ипостасной, яко жидовинъ, молчиши; добре въ „Жезлѣ Правленія“ написано: чрезъ троеніе аллилуія знаменуются три лица божественныя: чрезъ двоеніе аллилуія не изображается совершенно таинство Св. Троицы“.

Произвольно и нелѣпо раздѣлять, ради двойного аллилуія, людей на три чина и лишать мірянъ употреблять эту ангельскую пѣснь.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, по заключенію автора „Обличенія“, что не преп. Максима Грека сія суть о двоеніи аллилуія мудрованія, но нѣкоего безсловеснаго мужика-расколь-

ника, иже и самъ не вѣдяше, еже писаше“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ: есть ли и возможно ли было что-либо подобное въ сочиненіяхъ и мысляхъ преп. Максима Грека, чтобы приписать ему неразсудительныя рѣчи повѣсти о сугубой аллилуіи!? „Зрите, раскольщики, пишетъ критикъ, на чемъ вы утверждаетесь, егда о двоеніи аллилуія ссылаетесь на Максима Грека подметнаго!“...

Послѣ всего сказаннаго, спрашивается. какъ же относится къ пресловутой, исполненной большихъ несообразностей и искаженій, повѣсти о сугубомъ аллилуія г. Голубинскій? Онъ относится къ „Слову“ преп Максима Грека, т. е. къ Максиму подметному, съ какимъ-то страннымъ дѣтскимъ довѣріемъ; онъ приписываетъ „Слово“ это „къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія чрезъ преданія церковныя“ преп. Максиму Греку, хотя и сожалѣетъ и недоумѣваетъ, что преп. отецъ написалъ такое омрачающее его свѣтлую память слово [2]). Чтобы ознакомиться съ странными, противорѣчащими другъ другу и уничтожающими другъ друга разсужденіями почтеннаго автора по вопросу объ аллилуія пред. Максима Грека, считаемъ нужнымъ привести подлинныя его мысли, извлеченныя изъ выше названнаго сочиненія его „Преп. Максимъ Грекъ былъ горячій поборникъ правды, подобный древнимъ пророкамъ, къ которымъ онъ не безъ основанія себя приравнивалъ. Но и солнце не безъ пятенъ, и наше слово необходимо (?) принимать не за иное что, какъ за малое пятно на весьма свѣтлой, въ общемъ, памяти Максима. Горячій поборникъ правды, онъ на этотъ разъ былъ ей з а в ѣ д о м о невѣренъ. Въ своемъ словѣ онъ говоритъ о сугубой аллилуіѣ такъ, какъ будто бы въ его время она находилась у грековъ въ общемъ единообразномъ употребленіи; но это неправда; можетъ быть, въ его время трегубая аллилуія еще и не стала рѣшительно господствующею, какъ это столѣтіемъ позднѣе, но несомнѣнно, что она находилась у нихъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ же употребленіи, какъ и сугубая аллилуія. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто „что бо есть у насъ: слава Тебѣ. Боже, то есть у евреевъ: аллилуія“; но, что онъ зналъ дѣйствительное значеніе слова аллилуія, на это мы имѣемъ положительное доказательство. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто троенія аллилуіи есть обычай римской церкви; но чтобы, прожившъ столько времени въ Италіи, онъ не зналъ, какъ возглашается въ римской церкви пѣснь аллилуія, и что о церкви римской

[1]) Облич Неправд. раскольнич., лист. 94—99.

[2]) Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, стр. 216—217.

вовсе нельзя сказать, чтобы ея обычай составляло троеніе пѣсни, этого невозможно предполагать. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто двоенію пѣсни аллилуія во псалмоглаголаніяхъ наученъ былъ отъ ангеловъ св. Игнатій Богоносецъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что сказанія о наученіи ангелами Игнатія Богоносца антифонному или двуклиросному пѣнію псалмовъ онъ искажаетъ не по невѣдѣнію, а намѣренно (или намѣренно отдаетъ предпочтеніе сказаніямъ апокрифическимъ предъ сказаніями достовѣрными)". „Но какъ же могло случиться, продолжаетъ разсуждать проф. Голубинскій, чтобы преп. Максимъ Грекъ написалъ такое, омрачающее его память слово? Относительно этого необходимо или, по крайней мѣрѣ, со всею вѣроятностью должно думать слѣдующее. Въ Москвѣ, въ Максимово время, сугубая аллилуія, если не находилась въ общемъ употребленіи, то, по крайней мѣрѣ, была въ высшей придворной сферѣ; какой-нибудь весьма сановитый поборникъ сугубой аллилуія предложилъ Максиму услужить ему своимъ перомъ (безъ ума и разсужденія? за какую плату?), и онъ, надѣясь добиться чрезъ сановника того въ отношеніи къ себѣ, чего искалъ (отпуска на родину или, по крайней мѣрѣ, свободы отъ заточенія и церковнаго отлученія) и имѣлъ слабость согласиться" [1]).

Если признать вѣрнымъ мнѣніе г. Голубинскаго, высказанное довольно смѣло и рѣшительно, что не соотвѣтствуетъ вообще характеру историческихъ изысканій, то преп. отца нужно считать виновникомъ во многихъ дурныхъ послѣдствіяхъ „Слова" и, главнымъ образомъ, виновникомъ въ происхожденіи раскола старообрядства и упорнаго сопротивленія послѣдователей его отъ начала возникновенія его вплоть до настоящаго времени. И если московскій м. Макарій († 1564 г.) подвергается сильнымъ укоризнамъ за опредѣленіе о сугубой аллилуія, сдѣланное на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г., на основаніи ненадежныхъ источниковъ, какъ напр., житіе преп. Ефросима псковскаго, то, по мнѣнію того же профессора, значительная большая часть вины должна быть снята съ м. Макарія и возложена на преп. Максима Грека. Нашъ строгій ученый съ увѣренностію думаетъ, что м. Макарій сдѣлалъ (не Макарій, а соборъ, на которомъ онъ былъ предсѣдателемъ) свое опредѣленіе о сугубомъ аллилуія, главнымъ образомъ, на основаніи слова преп. Максима о двоеніи аллилуія, хотя въ соборномъ опредѣленіи не упоминается

[1]) См Унтован. соч. Е. Голубинскаго, стр. 216—218.

имя преп. Максима, какъ человѣка изъ грековъ, къ которымъ тогда русскіе не имѣли будто бы никакого довѣрія.

Но представленное мнѣніе проф. Голубинскаго не можетъ быть принято по многимъ соображеніямъ; оно принадлежитъ лично ему одному, какъ своеобразно мотивированное; церковный историкъ м. Макарій Булгаковъ († 1882 г.) держался этого мнѣнія условно, сомнѣваясь въ принадлежности пред. Максиму Греку „Слова къ смѣющимъ трижды глалогати“ [1]); это мнѣніе тенденціозно и вообще несостоятельно.

Нужно не знать преп. Максима Грека ни съ церковно-литературной, ни нравственной стороны, чтобы рѣшительно приписать ему, какъ писателю, извѣстное „Слово“ о двоеніи аллилуія, имѣющее всѣ признаки апокрифическаго, т. е сомнительнаго, недостовѣрнаго характера и происхожденія; нужно удивляться тому, какъ рѣшился г. Голубинскій выступить печатно съ ненаучнымъ и обиднымъ для свѣтлой памяти пред. Максима Грека мнѣніемъ, приближающимся къ „повѣстямъ и разсказамъ“ беллетриста ..

Чтобы выступить съ новымъ взглядомъ на извѣстное историческое явленіе, фактъ или вопросъ, отрицающимъ установившійся, требуется имѣть въ наличности вѣскія доказательства, достовѣрныя данныя или вновь открытые матеріалы, измѣняющіе существующее положеніе дѣла. Обратимся къ доказательствамъ, которыми г. Голубинскій подтверждаетъ свое мнѣніе.

Прежде всего нужно установить то положеніе, что въ XVI в. и даже XV в. у русскихъ было въ употребленіи одновременно двоеніе аллилуія и троеніе; какая была форма правильнѣе и распространеннѣе, не доказано несомнѣннымъ образомъ. Въ греческой церкви въ XVI в. установилось троеніе аллилуія, но не безъ исключенія; двоеніе употреблялось въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквахъ. Это извѣстно было преп. Максиму Греку; какъ представитель греческаго православія, просвѣщенія и обычаевъ, преп. отецъ держался обычая употреблять троеніе аллилуія, бывшее формою господствовавшею. На Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. опредѣленіе состоялось въ пользу двоенія, а не троенія.

Текстъ соборнаго опредѣленія слѣдующій: „въ Псковѣ и псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ донынѣ говорили трегубую аллилуію, вопреки апостольскимъ и отеческимъ преда-

---

[1]) М Макарій. Истор. р. ц т. VIII, 3-я кн, стр. 139 Спб. 1877 г.

ніямъ, но мы узнали достовѣрно отъ писателя житія преп. отца нашего Ефросима псковскаго, новаго чудотворца, какъ ради его св. молитвъ, Преч. Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуія и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ Боже, какъ и предала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуія, какъ прежде сего говорили во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали—слава Тебѣ Боже. Это не есть преданіе православныхъ, но ересь латинянъ: они не славятъ Троицу, но четверятъ, и признаютъ св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и тѣмъ творятъ св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаетъ трегубить аллилуію. но два говорить—аллилуія, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже: ибо по-еврейски—аллилуія, а по нашему по-русски—слава Тебѣ, Боже“ [1]).

Хотя въ опредѣленіи собора не дѣлается, какъ уже ранѣе сказано, никакого намека на мнѣніе и личность преп. Максима Грека, однако проф. Голубинскій зависимость опредѣленія собора отъ Максимова „Слова“ считаетъ не только вѣроятною и возможною, но даже ясною. Ясность этой зависимости подкрѣпляется сходствомъ и тождественностію объясненія слова „аллилуія“, какъ въ опредѣленіи собора, такъ и въ извѣстномъ „Словѣ“ преп. Максима „на смѣющихъ глаголати трижды аллилуія“: аллилуія значитъ слава Тебѣ, Боже; но это совпаденіе чисто внѣшнее; соборъ могъ заимствовать объясненіе и изъ другихъ источниковъ, которыхъ было не мало въ то время,—тѣмъ болѣе, что хотя объясненіе было и не правильно, и смѣшивалось и замѣнялось правильнымъ: „хвала Богу“, но, по внутреннему своему значенію, приближалось къ правильному и не смущало собою русскихъ при ихъ простотѣ и нетребовательности; однако вопросъ въ томъ, почему же преподобный Максимъ Грекъ допустилъ не только неправильную форму употребленія аллилуія, но и неправильное объясненіе самого слова, сознавая неправильность того и другого? Г. профессоръ приписываетъ Максиму Греку и то, будто бы послѣдній намѣренно, а не по. невѣдѣнію, допустилъ ошибку въ своемъ „Словѣ“ и повліялъ на м. Макарія и чрезъ него на соборъ, назвавъ троеніе аллилуія латинскою ересью, зная хорошо по опыту порядокъ и особенности католическаго богослуженія; по мнѣнію того же профессора, преп. Максимъ Грекъ, вопреки своему убѣжденію и цер-

[1]) Стоглав. гл. 42. Макарій Истор. р. ц, т. VIII, ч. 3-я, стр. 140—141.

ковно-историческимъ даннымъ, намѣренно искажаетъ сказанія повѣсти о наученіи ангелами св. Игнатія Богоносца антифонному пѣнію псалмовъ, т. е. намѣренно отдаетъ предпочтеніе сказаніямъ апокрифическимъ предъ сказаніями достовѣрными

Трудно собраться съ силами и сосредоточиться, чтобы, прочитавши мрачныя соображенія проф. Голубинскаго, возражать противъ такого небывалаго пріема и отношенія къ историческимъ документамъ и личностямъ

Если признать зависимость опредѣленія Стоглаваго Собора объ аллилуія отъ мнѣнія и личности преп. Максима Грека, то непостижимо и нелѣпо, что принято было мнѣніе неправильное, мотивированное не правдоподобными и разумными соображеніями, а мыслями, основанными на сомнительныхъ источникахъ каково вымышленное тогда мало извѣстное житіе св Ефросима,— житіе, исполненное несообразностей и хронологическихъ противорѣчій [1]); при допущеніи вліянія и участія преп Максима Грека на опредѣленіе Собора 1551 г., аргументація въ пользу „сугубой аллилуія“ должна и могла быть иная, болѣе или менѣе основанная на древности и символизаціи, въ чемъ преп. Максимъ Грекъ не могъ затрудняться, имѣя въ виду практику греческой церкви, гдѣ еще въ его время по мѣстамъ было употребленіе „сугубаго аллилуія“. Если и допустить принадлежащимъ преп. Максиму „Слово къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія“, написаннымъ по частной просьбѣ неизвѣстнаго, вопреки убѣжденію преп отца, какъ предполагаетъ г Голубинскій, то нравственно и психологически невозможно согласиться съ тѣмъ, чтобы преп. отецъ, идеальный и всегда твердый и послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, рѣшилъ

---

[1]) Для ознакомленія съ содержаніемъ житія преп. Ефросима, приведемъ главные пункты, обличающіе въ составителѣ его невѣжество и обманъ съ цѣлію привлечь довѣрчиваго читателя. Авторъ „Обличенія“ доказалъ всю несостоятельность житія Ефросима Неизвѣстность писателя житія заключающіяся въ немъ еретическія мысли, вложеніе въ уста Богоматери странныхъ мыслей о двоеніи аллилуія, какъ какой то тайны, обусловливающей дѣло спасенія людей, самый характеръ сообщенныхъ свѣдѣній въ состояніи сновидѣнія. а не въ дѣйствительности, не на яву, невѣрность толкованія слова аллилуія самого по себѣ и значенія употребленія его въ книгѣ апокалипсиса (19, 1—6)—все это, вмѣстѣ взятое, съ ошибками въ годахъ, лицахъ и событіяхъ, дало еп. Θеофилакту полное право отвергать сказаніе изъ житія св. Ефросима, какъ нелѣпость, а автора его считать „предерзкимъ и преглупымъ шутомъ“. М. Макарій. Истор. р. церкви. т VIII, 133—4 Облич. л. 35.

покривить душею въ дѣлѣ чрезвычайной важности, въ опредѣленіи помѣстнаго церковнаго собора, долженствовавшаго имѣть обязательную каноническую силу и значеніе для всей русской церкви на послѣдующія времена и сдѣлаться извѣстнымъ повсюду и главнымъ образомъ въ греческой церкви, отъ лица которой онъ былъ всегда достойнымъ представителемъ, руководителемъ въ высшихъ вопросахъ вѣры, послушнымъ сыномъ и вѣрнымъ хранителемъ святоотеческихъ преданій и обычаевъ. Допустить такую позорную, безнравственную сдѣлку значило бы взять на себя такой тяжкій грѣхъ, для котораго, по тогдашнимъ временамъ, не было прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Со стороны нашего ученаго, измѣряющаго идеальныхъ историческихъ дѣятелей по современнымъ типамъ, это не только не основательно, но и грѣшно; грѣшно омрачать свѣтлую личность труженика, исповѣдника и страдальца, къ плодотворной и безукоризненной дѣятельности котораго относятся съ глубокою признательностью, какъ духовные знатоки русской исторіи, такъ и свѣтскіе.

Положимъ, что истина, научная ли то, или практическая житейская выше всего и личности, но дѣло въ томъ, есть ли въ нашемъ распоряженіи ясный и вполнѣ достовѣрный документъ, на основаніи котораго можно бы увѣренно и рѣшительно приписать преп. Максиму Греку, какъ наставленіе о сугубой аллилуія, повліявшее будто бы на опредѣленіе Собора 1551 г., такъ и мотивировку мнѣнія его о происхожденіи и вѣрности установленія двоенія, а не троенія аллилуія? Такого-то документа и не имѣется. Есть извѣстное „Слово о смѣющихъ трижды глаголати аллилуія“, но подлинность его по происхожденію и содержанію не только оспаривается, но и отрицается; недостовѣрность и нелѣпость содержанія его достаточно доказана авторомъ „Обличенія“, еп. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, о чемъ у насъ была рѣчь. Но какъ относится г. Голубинскій къ сомнительному документу? Не сомнѣваясь въ его достовѣрности, онъ признаетъ нелѣпость его содержанія, несвойственнаго преп. Максиму Греку. Чтобы выйти изъ явнаго противорѣчія, онъ допускаетъ неискренность со стороны преп. отца, состоявшую въ намѣренномъ притворномъ искаженіи достовѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи «сугубой аллилуія» и правильности двоенія ея. Но приписать преп. Максиму Греку необычный и пріемъ сочинительства, значитъ признать его подверженнымъ помраченію ума или юродству, каковое состояніе, какъ болѣзненное, не при-

нимается обыкновенно во вниманіе при оцѣнкѣ дѣятельности человѣка; но ни изъ какого свидѣтельства не видно, чтобы преп. Максимъ Грекъ страдалъ, помимо физическихъ страданій отъ монаховъ волоколамскаго монастыря, разстройствомъ умственныхъ способностей или юродствомъ, въ то время довольно распространеннымъ явленіемъ среди русскихъ [1]).

Но такое отношеніе къ историческимъ документамъ, ведущее къ искаженію истины, совсѣмъ не научно, произвольно и тенденціозно; это значитъ навязывать документу и выводить изъ него не то, что въ немъ содержится, а то, что желаетъ изслѣдователь, вопреки буквѣ и смыслу. Эти азбучныя научныя условія хорошо извѣстны г. Голубинскому, уже ветерану и авторитету въ дѣлѣ церковно-историческихъ изслѣдованій, но странно, когда онъ не принимаетъ ихъ во вниманіе въ данномъ случаѣ, увлекаясь своимъ излюбленнымъ, но односторонним критическимъ методомъ изслѣдованія до крайности. Было бы гораздо полезнѣе, необходимѣе и научнѣе, еслибы нашъ ученый обстоятельно и критически разсмотрѣлъ „Слово“ преп. Максима, какъ документъ сомнительный и спорный, по странному содержанію своему не соотвѣтствующій взглядамъ и пріемамъ преп. отца, какъ писателя извѣстнаго.

Нахожденіе „Слова къ смѣющимъ“ въ сборникѣ сочиненій преп. Максима Грека еще не доказываетъ принадлежности его преп. отцу; названія древне-русскіе сборники получали иногда по чисто внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ, какъ, напр., по первому сочиненію автора, по преобладающему количеству сочиненій составителя, по извѣстному содержанію ихъ, не исклю-

[1]) Увлекшись предвзятою мыслію о привлеченіи преп. Максима Грека къ числу сторонниковъ сугубой аллилуія, г. Голубинскій упустилъ изъ виду важное свидѣтельство автора „Увѣта духовнаго“, несомнѣнно подтверждающее взглядъ преп. отца на данный вопросъ совершенно иной, противоположный. Вотъ это свидѣтельство: «въ древнихъ греческихъ книгахъ, говоритъ авторъ «Увѣта», въ тріоди цвѣтной, писанной въ лѣто 6852 года (1344 г.), и свидѣтельствованной Максимомъ Грекомъ св. горы, рукою его подписанной, въ концѣ книги, въ в. субботу на утрени по каѳизмѣ (говорится) «блажени непорочніи, по тропарѣхъ же: ангельскій соборъ удивися зря Тебе, сице написано: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже» [1]). Изъ приведеннаго свидѣтельства ясно, какого взгляда держался преп Максимъ Грекъ на спорный вопросъ; если бы онъ держался сугубой аллилуія, то не пропустилъ бы безъ поправки или замѣчанія ошибки въ книгѣ, которую онъ, просматривая и свѣряя съ древними оригиналами, долженъ былъ засвидѣтельствовать своею подписью.

[1]) Увѣтъ Духовный. Москва, 1882 г., изд. 2 е; лист. 150—151.

чавшему присутствія сочиненій другихъ авторовъ (какъ напр., „Книга о вѣрѣ“, „Кириллова книга“ и т. п. получили свое названіе на основаніи статей, занимающихъ въ книгахъ первыя мѣста между сборными разсужденіями разныхъ авторовъ о разныхъ предметахъ). Такимъ образомъ, со стороны ученаго требовалось тщательное разсмотрѣніе Максимовскаго сборника: нужно было опредѣлить время его составленія, самый составъ входящихъ въ него рукописей, сличеніе почерка руки преп. Максима Грека съ почеркомъ сочиненій сборника и преимущественно съ почеркомъ „Слова“, мѣсто послѣдняго въ ряду другихъ рукописей, разныя помѣтки, помарки, прибавки и т. п.; но, главное, необходимо установить, кто составлялъ сборникъ—самъ ли преп. отецъ или другой кто и изъ чего это видно [1]). Но такого обстоятельнаго разбора „Слова“ не сдѣлано ни еп. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, ни проф. Голубинскимъ: оба они признали содержаніе памятника нелѣпымъ; первый на основаніи содержанія отвергаетъ достовѣрность памятника, не подвергая его разбору съ внѣшней стороны; второй признаетъ его безъ надлежащаго критическаго разбора достовѣрнымъ

Такимъ образомъ, все побуждаетъ быть крайне осторожнымъ, дабы не привлекать преп. Максима Грека къ отвѣтственности за опредѣленіе Стоглаваго Собора о сугубомъ аллилуія—опредѣленіе, состоявшееся безъ личнаго присутствія и участія на Соборѣ преп. отца; совершенно не извѣстно, руководились ли члены Собора мнѣніемъ преп. Максима въ этомъ вопросѣ; есть основаніе отрицать вліяніе на опредѣленіе Собора со стороны преп. Максима, находившагося въ то время въ подозрѣніи и

[1]) Хотя г. Голубинскій и замѣтилъ въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи, что составитель сборника—самъ преп. Максимъ Грекъ, но этого недостаточно; не видя сборника, приходится на слово вѣрить г. Голубинскому, между тѣмъ, какъ самъ онъ не довѣряетъ очевидности, не вѣритъ, напр., ни въ букву „Слова“, ни въ содержаніе „Слова“, заимствованнаго изъ сборника (ibid., стр. 216, прим. 1). Названіе сборника, какъ составленнаго, по словамъ преп. отца, подъ вліяніемъ Св. Духа, не гарамонируетъ съ допущеніемъ обмана относительно правильности употребленія крестнаго знаменія и аллилуія, въ явное противорѣчіе убѣжденіямъ преп. Максима Грека. Позволительно и умѣстно спросить у г. Голубинскаго: что бы сказалъ онъ, еслибы, руководствуясь способомъ его разсужденій въ данномъ случаѣ, кто либо сталъ понимать его слова и выводы въ превратномъ смыслѣ, совсѣмъ противномъ обычному употребленію?!.. Зачѣмъ же другому, да притомъ идеальному лицу приписывать то, чего самъ авторъ не допустилъ бы по отношенію къ себѣ безъ явнаго противорѣчія и униженія?..

опалѣ у церковныхъ властей, не говоря уже о томъ, что авторитетъ греческой церкви тогда потерялъ среди русскихъ свою силу, согласно утвержденію и проф. Голубинскаго; объ ясной зависимости опредѣленія Собора 1551 г. отъ преп. Максима Грека можетъ говорить только воображеніе и настойчивое желаніе нашего ученаго критика, а не видимая фактическая и официальная сторона дѣла. Что касается до предположенія автора о томъ, будто бы преп. Максимъ Грекъ согласился, въ противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ, написать наставленіе о двоеніи аллилуія по просьбѣ «какого либо сановитаго поборника сугубой аллилуія, надѣясь чрезъ него добиться (?) свободы отъ заточенія, анаѳемы или отпуска на родину, то такое предположеніе, какъ голословное, противорѣчащее высоко-нравственному облику преп. отца и его недостойное, не заслуживаетъ опроверженія; оно даже не отличается и остроуміемъ, которое иногда употребляется нѣкоторыми за отсутствіемъ доказательствъ.

На основаніи всего сказаннаго нужно признать преждевременнымъ и неосновательнымъ мнѣніе, приписывающее преп. Максиму Греку раскольническій взглядъ на двуперстіе и сугубую аллилуія, взглядъ, высказанный проф. Е. Голубинскимъ въ рѣшительномъ видѣ и даже въ формѣ обвиненія на основаніи спорныхъ свидѣтельствъ, въ угоду послѣдователямъ русскаго раскола старообрядчества и вопреки существующему взгляду православныхъ полемистовъ, какъ взгляду научно-правильному. Вмѣсто обвиненій преп. Максима Грека, и безъ того много претерпѣвшаго при жизни отъ невѣжества, упорства и недоброжелательства со стороны современниковъ, доля справедливости требуетъ того, издать и изслѣдовать по всѣмъ правиламъ науки „максимовскій сборникъ“, заключающій въ себѣ два свидѣтельства о спорныхъ вопросахъ—о формѣ крестнаго знаменія и объ аллилуія; это нужно сдѣлать въ виду особенно того, что полемисты и защитники раскола прикрываются и оправдываются высокимъ авторитетомъ преп. Максима Грека въ отстаиваніи и пропагандѣ своихъ заблужденій. Послѣдователи русскаго раскола старообрядчества въ XVII—XVIII вв ссылались на преп. Максима Грека для подтвержденія своихъ мнѣній; хотя ссылки ихъ были неудачны въ вопросахъ о формѣ перстосложенія для изображенія крестнаго знаменія (двуперстнаго), сугубой аллилуія и др., но самое обращеніе ихъ ко взгляду преп. Максима Грека свидѣтельствуетъ объ авторитетѣ преп. отца, какъ

святаго мужа, книжнаго и правильнаго, древне-русскаго свидѣтеля и защитника старины [1]).

О самомъ преп. Максимѣ Грекѣ, въ заключеніе, нужно сказать слѣдующее: онъ былъ самый видный и идеальный представитель на Руси грекоправославнаго просвѣщенія, безкорыстный и скромный, высоконравственный и вѣрный своимъ убѣжденіямъ, но въ то же время и самый несчастливый, если возможно считать несчастіемъ великодушно и невинно перенесенныя страданія за правду и убѣжденія, долженствующія вполнѣ и достойно вознаградиться въ будущей жизни отъ всеправеднаго Судіи. Личность и заслуги Максима Грека въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи XVI ст. и во вліяніи на современное ему и послѣдующее поколѣніе, достаточно оцѣненныя въ ученой литературѣ, побуждаютъ ожидать еще большаго вниманія къ нему со стороны русскихъ ученыхъ, вниманія и изученія сочиненій его не партійнаго или тенденціознаго, а безпристрастнаго и объективнаго.

Отдѣльные оттиски изъ журн. «Мисс. Обозр.» № 6. 1906 г.

[1]) См. нашъ „Очеркъ о церковно-обществ. дѣятельности преп. Максима Грека по части объясненія исправленія заблужденій и недостатковъ русскаго общества XVI ст.“, гдѣ приведена почти вся литература о преп. отцѣ.

ОПЕЧАТКИ.

На 5 стр. 31 строка снизу напечатано: „и противовѣсъ **писательства** въ свою пользу“, слѣдуетъ читать: „и противовѣсъ **противника** въ свою пользу“

На 15 стр. въ подстрочной выноскѣ напечатано: „См. **Унтован** сочин. Е Голубинскаго“, слѣдуетъ читать: „См. **Цитован**. сочин. Е. Голубинскаго“

На 18 стр. 11 и 14 строка снизу напечатано: „Преп. **Ефросима**“, слѣдуетъ читать: „Преп. **Ефросина**“